

ПОМОРСКИЕ МОИ ВЕТРА

Наряду с обычной памятью этот мир, об исконной Родине всегда запоминаем мы то, что крепко, неотвязно связано с ней: корешками образа родного дома, родителей, братьев и сестёр, видами укрепившихся в воспоминаниях пейзажей... В общем-то всё это в совокупности и есть память о том месте, где ты появился на свет. Картинки эти, самые разнообразные, разноцветные, несущие всякую смысловую информацию, и всё же именно они создают полный образ конкретной, именно той Родины, где вам довелось родиться.

Цельного образа моей поморской родины не получится, если я не расскажу о наших беломорских ветрах. Казалось бы, чего особенного, ветра как ветра. Они везде дуют одинаково и задувают по всей России очень похоже друг на друга. Ан нет, именно на Белом море ветра особенные.

Начнём с того, что каждый ветер имеет своё местное имя. Где ещё такое встретите? Нигде! Да ещё каждый ветер в разных точках бе-

ломорских побережий также носит различные имена. Но при этом корневое название, самое глубинное и древнее, всё же всегда сохраняется на все времена.

Вот посмотрите, ветер северный именуется в разных поморских местах как «север», «норд», «сиверко», «ветер с зимы», «зимник». Южный ветер называется «с лета», «летний», «летник». Ветер с запада зовётся просто «запад» или «западок», потому что он, как правило, не холодный, хотя и часто несёт дождик — ведь этот ветер дует с океанских просторов Атлантики. Ветер, несущийся с востока, получил название самое короткое — «сток». Безусловно, это сокращённое слово от названия «восток».

Интересны имена ветров промежуточных румбов. Допустим, ветер с северо-запада, задувающий довольно часто, в поморье зовётся «побережник». Северо-восточный ветер, самый штормовой, разрушительный и холодный, зовущийся у поморов говорящим названием — «полуночник» дует напрямик из акватории Баренцева моря. Нагулявший огром-

ную силу на просторах двух морей, он гонит высокие волны и постепенно теряет страшную мощь в горлах двух беломорских заливов — Онежском и Двинском. Большинство корабельных и рыболовецких трагедий разыгралось именно по причине сокрушительных ударов свирепого полуночника.

У этого ветра есть и другие названия, не менее нелестные — рекостав, заморозник, моряна...

Ветер с юго-востока — «обедник» или «межник». Название «обедник» объясняется направлением, с которого он дует. Летом на юго-востоке солнце стоит как раз во время обеденного перерыва. Косари, гребей и другие работники сенокосной страды, в прежние времена не обладавшие такими ценными предметами как часы, знали, что когда светило становилось в определённую юго-восточную точку, наступало время обедать.

Самый шальной и рваный ветер дует с юго-запада. Это — шелонник. Тёплый и весёлый ветерок, он всегда радостен для деревни, для отдыхающего праздного люда, для рыбацков, сидящих с удочками. Но в открытом море он опасен. Он рвёт карбасные паруса, может унести в открытое море лодки вместе с рыбаками. Такие дела случались часто среди обитателей Поморья в старые времена, ведь сильных лодочных моторов тогда не имелось.

Поморские ветра и сами поморы уже столетия живут бок о бок, они, что называется, притёрлись, пообжились и привыкли друг к другу.

Ветер — это тысячи раз доказано — тихомирят свои натиски и силушку перед волей людей, смиряется перед православной молитвой, а люди научились складывать и читать верные молитвы перед мощью морских стихий, выработали сноровку разговаривать с ветром.

Знаю стариков, которые никогда не попадали в шторма. Спрашивал у них, как же так у них получается, что любой их выход в море сопровождается штилевой погодой? Старики спокойно и тихо объясняли мне:

— Надо, Павлушко, море-то уважить, следоват поразговаривать с им перед карбасным походом, пусь-ко оно маленько погодит волной пужать. Слово тако надоть знать...

Но о том, какое слово сказать надо, старики мне не открыли. Тайна это большая, стало быть. Но вот уважать нрав морских ветров я начал давно, и очень берегу этот свой выбор.

Названия беломорских ветров формировались на протяжении столетий, и в нашу пору превратились в очень устойчивые имена, их поморы знают с малого детства:

- «выволочный ветер» — ветер-рвань, дующий с берега, который уносит в открытое море всё, что «плохо лежит»: карбасы, не привязанные к якорям, льдины с рыбаками, плоты с брёвнами, стоящую в море рыбацкую снасть со слабыми грузами и т.д.;
- ветер «стрета» — встречный ветер;
- ветер «голомя» или «голомяник» — ветер из дальних и глубоких морских широт;

- «зоровой» ветер — слабый ветерок на утренней или вечерней зорьке;
- «лосо» — полный штиль;
- «падёра» — сильный ветер со снегом;
- «погодушка» — шторм на море;
- «горний ветер» — ветер с материка.

В общем, тема морских ветров — увлекательная и познавательная, и раскрывать её можно ещё долго и основательно. Думаю, при случае — обязательно этим займусь.

ШЕЛОНИК

Рыба не клюёт совершенно. Ветер, резвый и игривый в утреннюю зорьку, к полудню стих. Полный штиль. Полуденный зной, отражаясь от зеркальной прохлады вод, висит в воздухе тягучим, сладким маревом. Кругом царство лени и бессилия. Заспанное белёсое солнце нехотя играет бликами на еле заметной, гладкой накатной волне.

Николай, полураздетый, в трусах и льняной рубашке, сидит в лодке, упёршись босыми ногами о шпангоуты. По бокам, на банке (сиденьи), лежат, прислонённые к бортам, «морские» удочки. Николай уныло глядит на их чуткие, недвижимые уже около часа «кивочки», потом переводит взгляд на небо. Там в чистой синей вышине плывут с юга на север вытянутые, размытые, словно пена на воде, пузырьчатые облака. «Странно, — думает Николай, — там ветер, а здесь тишина».

Рыба не клюёт, но ему нравится сидеть так, в безделье, подставив

солнцу лицо, безвольно положив на борта руки.

Где-то на острове, синеющем сквозь марево ломкими очертаниями, его жена Ольга и шестилетняя дочурка Катя собирают чернику, которой тут великое множество. Николай давно собирался приехать сюда с семьёй на своей моторной лодке. Место это, спокойное, удалённое от городской сутолоки, в стороне от туристических маршрутов, Николай и Ольга открыли для себя в прошлом году случайно, когда поехали испытывать только что купленную лодку. От города, правда, далеко, но что там расстояния, когда «Вихрь» несёт со скоростью под сорок, и лодка играючи подпрыгивает на бугорках волн!

Николай вспомнил сейчас, как в прошлом году Ольга нерешительно ступила на землю острова, осторожно, глядя под ноги, словно боясь змей, сделала несколько шагов, а потом вдруг в совершенном восторге воскликнула: «А грибов-то, грибов-то сколько!..» Когда уезжали, в километре от острова мотор вдруг забарахлил, и Николай бросил якорь, совсем не надеясь, что он достанет до дна. Капроновая верёвка упруго застучала о борт и вдруг ослабла. «Баклан!» — понял Николай и не удержался, забросил удочку: тут должна быть треска. Рыба и в самом деле сразу стала брать, и Николай с Ольгой в азарте надолго тогда забыли о поломке в моторе, о том, что надо ехать домой. А треска — гибкая, коричневая — пружинисто металась по дну лодки.

Сегодня на восходе повторилась та же торопливая, сладкая радость хорошего клёва, но к полудню всё уснуло под вялящими солнечными лучами. Надо бы идти к острову, помочь жене и дочке развести костёр, приготовить обед. Он сматывает верёвку, привязанную к бую — указателю баклана, установленному им сегодня, и заводит мотор. Уже на подходе к острову замечает бегущую по воде навстречу лодке рябь: подул шелоник.

Николай выносит из лодки рыбу, прячет её в тень, укрывает травой. Вокруг — царство ягод. Он ползает на четвереньках, собирая в пригоршни чернику и голубику, затем закидывает голову, сыплет ягоды в рот и медленно их жуёт, постанывая от удовольствия.

Перед тем как идти вглубь острова, Николай оглядывается на залив и замирает, увидев свою лодку: она мерно раскачивается на волнах вдали от берега в тёмно-синей ряби раздувающегося шелоника — юго-западного ветра. «Как же это! — оторопело соображает Николай. — Неужели якорь забыл выбросить? Как же мы без лодки? Остров... Катя... Без лодки...» — и, сбрасывая на ходу сапоги, он бежит к воде.

Глубина начинается сразу, у берега. Холода он не чувствует, хотя совсем недавно с ознобом входил в воду босыми ногами. Николай плывёт быстро, «саженками». Руки размеренно, поочерёдно выбрасываются вперёд, голова вращается в такт, ноги напористо взбивают пенистый бурунок. Лодка приближается. Нако-

нец шея и руки устают. Николай переворачивается и плывёт на спине. Ориентируется по солнцу, которое светит прямо от острова. Перевернувшись на грудь, Николай с тревогой замечает, что лодка совсем не приблизилась, и опять он быстро работает руками, опять пенит ногами воду. Лодка уже метрах в пятидесяти, но руки с каждым разом поднимать из воды труднее и труднее, начинает сильно ломить шею. Николай ложится на спину и, стараясь держать себя в руках, начинает понимать, что лодку ему не догнать: «Чёрт с ней, потом найдём с ребятами... На остров надо... Приедет кто-нибудь...» В лицо ему плещет вода. Он поворачивает к берегу и тут же встречается с ветром. Шелоник дует в глаза, хлещет по ним брызгами, заплёскивает ноздри. Николай задыхается, глотает жидкую горечь, перед ним стоит густая пелена воды и пены, сквозь которую красным пятном рдеет размытый огромный шар солнца. Николай с ужасом осознаёт, что совсем не движется вперёд, что до острова ему тоже не доплыть...

...Здесь, на просторе, ветер, словно уверовав в свою силу, дует напористо, ерша и взбаламучивая тугую тёмную воду. Среди чешуйчатых, зыбких волн, как поплавок, качается голова Николая. С остекленелыми от страха и беспомощности глазами он что-то кричит, а ветер уносит его крик в море, разбрасывает там среди волн...

Постепенно Николай приходит в себя, но страх сидит внутри, цепляясь острыми коготками, не даёт

думать, тянет за ноги вниз свинцовыми колодками, давит на плечи. «Надо подумать! Надо подумать! — бормочет он синими губами. — Надо взять себя в руки... Нельзя же так, за здорово живёшь...» Но страх держит за горло, мешает дышать, мешает... Не прогнать его... «Сволочь! — кричит Николай, — подохнешь тут, как собака! Распустил нюни! Бороться надо, гадина!» Он бьёт себя по скуле, трясёт головой, потом ложится на спину.

Мысль скачет лихорадочно: «Шансов нет, шансов нет! Берег — бесполезно. Берег — бесполезно! Лодка далеко... Не доплыть, не доплыть!...» Захлёбываясь и неуклюже перебирая ногами, Николай пытается стянуть с себя рубаху. Она прилипла, срослась с телом. Самое трудное — высвободить руки из рукавов. Потом, когда это удаётся, он несколько раз безуспешно пытается сделать из неё пузырь, для чего резко взмахивает рубашкой над головой, держа её за края. Пузырь, тощий и кривой, всё же в конце концов получается. Николай ложится на него животом. Уже осмысленно и устало он смотрит на лодку. До неё метров семьдесят. Мозг, как наковальню, долбит мысль: «Надо догнать...»

Из рубашки, крадучись, предательски убегают пузырьки воздуха. Николай вытягивает рубашку со сморщенным, раздавленным уже пузырьём и, держа её в левой руке, начинает правой грести по направлению к лодке. Движения почти не получается, пузырь только мешает,

и Николай отбрасывает его в сторону. Стараясь экономить силы, он равномерно, без рывков работает руками, переворачивается на спину, плывёт на боку, плюхает саженками, гребёт «по-собачьи». Со временем его движения сами по себе приобретают системность: саженки — на боку — спина — саженки — на боку — спина... Плыть на спине становится всё труднее: вдали от берега накатистые волны всё чаще хлещут в лицо. Николай горько кривится и с кашлем выхаркивает попадающую в горло солёную воду.

Иногда он смотрит на лодку. Эти мгновения доставляют ему настоящую муку: казалось, отдал уже все силы, а она почти не приблизилась. В конце концов Николай заставляет себя реже поднимать голову и плывёт только по ориентиру — попутному ветру. Ему невыносимо хочется отдохнуть — лечь на спину и закрыть глаза, но за каждую секунду остановки придётся потом расплачиваться долгой и тягостной работой рук.

Надо экономить силы. Николай вспомнил, как тренер учил его в легкоатлетической секции расслабляться во время бега на длинные дистанции: работать должны только те мышцы, которые толкают вперёд. Плыть ещё много, страшно много, и Николай старается «успокоить» тело, руки его безвольно поднимаются и плюхаются в воду, концентрируясь потом в гребке.

«Напрасно всё, сдохнешь...» Николай напрягается, трясёт головой и, стискивая зубы, шепчет: «Хрена с два возьмёшь! На тебе...»

Перед глазами встаёт Катькино лицо, то улыбающееся, то оцепеневшее от страха. Это совсем для него невыносимо, и тогда он хрипит на выдохе: «Не меша-а-ай!..»

Он страшится отчаяния, его мёртвой хватки, которую, наверное, уже не выдержать в этой непосильной борьбе с ветром и волнами. Он гонит его, стараясь думать только о лодке, о том, что надо беречь силы.

Всё же расстояние до лодки сокращается, её развернуло и несёт боком. Но руки будто залило холодным свинцом, они совсем не гнутся, откачиваются работать.

Ветер раздувает на кончиках волн белые гребешки, бьёт водой по затылку.

Неожиданно Николай замечает на носу лодки то, на что раньше не обратил внимания, — якорь. Якорь! Он лежит на самом кончике борта, Николай отчётливо вспомнил, как поднял его с днища, когда подъехал к острову, положил на нос и намеревался вытащить на берег, но дно оказалось глубоким, и он стал разгибать голенища...

«Если бы он упал, если бы упал! Ведь он же может упасть! Волны! А доска на носу совсем гладкая!» Николай вдруг как-то ослаб, стал грести «по-собачьи», вцепившись взглядом в якорь. Нет, не падает, даже не шевелится как будто.

За лодкой, с левой стороны, что-то зажелтело и пропало. Искрой промелькнула догадка — буй, его буй на баклане! Жёлтое пятнышко появилось снова, всё расцветенное вокруг белыми полосами пены. «Баклан! Да

там же мелко, а значит, и волны круче! Ну, упали, якорь, ты же мой! Ты не должен меня подвести», — чуть не плачет Николай в последней надежде, еле держась на воде.

На баклане лодка, как поплавок, то ныряет, то вновь выпрыгивает на поверхность. Показалась... Якорь на месте. Исчезла. Вновь показалась. Якорь сместился, как почудилось Николаю, к центру лодки. В голове взрывается мысль: «Неужели свалится в лодку?» С отчаянием и обречённостью он думает: «Тогда всё... Больше не смогу...» Он уже не плывёт, а лишь вяло перебирает руками и как приговора ждёт очередного появления лодки. Якоря нет! Лодка продолжает двигаться, как и прежде, боком. Волна неожиданно наваливается сзади на голову, и он некоторое время идёт ко дну. Потом выныривает и долго, ничего не соображая, оторопело смотрит перед собой.

Лодка стоит носом к нему. От кольца на носу тянется в воду белый шнур. Николай стискивает зубы и плывёт медленно, останавливаясь, тяжело и хрипло дышит.

Подплыв к шнуру, он пытается на него лечь, но шнур расслабляется, и он скользит по нему вниз. Высоту борта ему не осилить, надо отдохнуть, но руки не держат шнура. Он устал... Он обвивает шнур руками, ногами, стискивает зубами и висит, висит... Потом подплывает к середине борта, рывком поднимает тяжёлые руки и висит снова. Бросить тело на борт ему удаётся лишь с четвёртой попытки, когда проходит много времени. Он медленно зава-

ливается вовнутрь и теряет сознание...

Солнце медленно спускается к закату, когда Николай глушит мотор и причаливает к берегу. На заплёстке у костра сидят Ольга и Катя и пьют черничный чай.

— Ну так что, рыбачок, — подтру-

нивает над ним Ольга, — где рыба? Смотрю, лодка качается и качается, а рыбака-то и не видно. Уснул, наверное, от безделья? Иди-ка лучше чай пить...

— А наш папка рыбалку проспал... — поддерживает её Катерина.

И все трое смеются.